

УДК 616-006.311-07-08

<https://doi.org/10.20538/1682-0363-2026-1-144-151>

Инfantильная гемангиома: современный взгляд на патогенез и лечение

Буковецкая М.С.¹, Камалтынова Е.М.^{1,2}

¹ Областная детская больница (ОДБ)

Россия, 634009, г. Томск, ул. Карла Маркса, 44

² Сибирский государственный медицинский университет (СибГМУ)

Россия, 634050, г. Томск, Московский тракт, 2

РЕЗЮМЕ

Инfantильная гемангиома (ИГ) – значимая и распространенная проблема междисциплинарного характера в детской популяции. Этиология данного заболевания до конца не известна. Существует несколько гипотез возникновения ИГ: плацентарная, в результате генетической мутации и воздействия внешних факторов. Подходы к лечению инфантильных гемангиом разнообразны и включают системную фармакотерапию, местное и хирургическое лечение. Каждый из них обладает как достоинствами, так и ограничениями, что делает невозможным использование одного из методов в качестве универсального для всех пациентов. Препаратом первой линии в настоящее время признан β-адреноблокатор пропранолол.

Авторы лекции представили литературный обзор современных подходов к выбору лечения инфантильных гемангиом, а также предикторы эффективности применения пропранолола и его возможный механизм действия.

Ключевые слова: гемангиома, мальформация, дети, пропранолол

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Источники финансирования. Авторы заявляют об отсутствии источника финансирования при проведении исследования.

Для цитирования: Буковецкая М.С., Камалтынова Е.М. Инfantильная гемангиома: современный взгляд на патогенез и лечение. *Бюллетень сибирской медицины*. 2026;26(1):144–151. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2026-1-144-151>.

Infantile hemangioma: modern perspectives on pathogenesis and treatment

Bukovetskaya M.S.¹, Kamaltynova E.M.^{1,2}

¹ Regional Children's Hospital

44 Karl Marx St., 634009 Tomsk, Russian Federation

² Siberian State Medical University

2 Moskovsky trakt, 634050 Tomsk, Russian Federation

ABSTRACT

Infantile hemangioma (IH) is a significant and common interdisciplinary issue in the pediatric population. The etiology of this condition is not fully understood. Several hypotheses exist regarding the origin of IH: the placental hypothesis, genetic mutations, and the influence of external factors. Treatment approaches for IH are diverse and

✉ Буковецкая Мария Сергеевна, buk.ms@mail.ru

include systemic pharmacotherapy, local treatment, and surgical intervention. Each of these methods has both advantages and limitations, making it impossible to use any single approach as a universal solution for all patients. The beta-blocker propranolol is currently recognized as the first-line medication. The authors of the lecture presented a literature review of modern approaches to selecting treatment for IH, as well as predictors of propranolol efficacy and its possible mechanism of action.

Keywords: hemangioma, malformation, children, propranolol

Conflict of interest. The authors declare the absence of obvious or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Source of financing. The authors state that they received no funding for the study.

For citation: Bukovetskaya M.S., Kamaltynova E.M. Infantile hemangioma: modern perspectives on pathogenesis and treatment. *Bulletin of Siberian Medicine*. 2026;26(1):144–151. <https://doi.org/10.20538/1682-0363-2026-1-144-151>.

ВВЕДЕНИЕ

Авторы поставили для себя цель дать литературный обзор данных о патогенезе и методах лечения инфантильной (младенческой) гемангиомы (ИГ), а также представление результатов актуальных исследований о потенциальных предикторах эффективности медикаментозной терапии.

ИГ представляет собой доброкачественную сосудистую опухоль, образованную в результате пролиферации сосудистых эндотелиальных клеток вследствие нарушения местного ангиогенеза. Среди всех сосудистых патологий ИГ является самой распространенной и встречается у 5–10% детей первого года жизни [1]. Заболевание чаще диагностируется у девочек, детей европеоидной расы и близнецов. Отмечено, что ИГ особенно часто развивается у новорожденных с низкой массой тела и недоношенных. Это делает данную патологию значимой проблемой для педиатрической практики [2].

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

ИГ имеет разнообразную локализацию, однако в 60% случаев занимает область головы и шеи [3]. Клинические проявления начинаются, как правило, в первые недели жизни. Отличительной особенностью ИГ является динамический характер опухоли. В течение первых 6 мес жизни наблюдается активная пролиферация, во время которой гемангиома достигает максимальных размеров. В возрасте 8–9 мес наступает фаза стабилизации, характеризующаяся замедлением роста образования, и далее стадия регресса, которая может продолжаться от одного года до нескольких лет [4]. Средний возраст завершения самопроизвольной инволюции составляет 3,5 года [5].

Для определения тактики лечения важно дифференцировать ИГ от других сосудистых аномалий,

представленных в классификации ISSVA (International Society for the Study of Vascular Anomalies) 2014 г. [6]. Дифференциальная диагностика проводится между сосудистыми мальформациями и более редкими формами сосудистых опухолей: врожденной гемангиомой, пучковой ангиомой и капошиформной гемангиоэндотелиомой [2]. Диагноз ставят на основании анамнеза и характерной клинической картины. В качестве дополнительных методов диагностики могут быть использованы ультразвуковое исследование и магнитно-резонансная томография (МРТ) [5]. В сложных случаях иммуногистохимический маркер GLUT1 (glucose transporter 1) позволяет дифференцировать ИГ от других сосудистых аномалий, за исключением веррукозной венуло-капиллярной мальформации. Данный белок отвечает за транспортировку глюкозы и экспрессируется в любой форме ИГ на всех стадиях ее развития [7].

Выделяют три клинические формы ИГ: нодулярную, в виде единичного локуса (самая распространенная форма); сегментарную, ограниченную анатомическим сегментом, и мультифокальную, проявляющуюся множественными гемангиомами с висцеральными поражениями, чаще печени. В зависимости от глубины поражения кожи выделяют: поверхностную форму, затрагивающую только верхние слои дермы и составляющую около 60% всех ИГ; подкожную, расположенную в глубоких слоях дермы и гиподермы, составляющую 15% ИГ; и смешанную, имеющую оба компонента и составляющую около 25% в структуре ИГ [8].

Большинство гемангиом являются небольшими бессимптомными образованиями, склонными к самостоятельному регрессу. Однако около 10% ИГ могут приводить к осложнениям локального характера: (изъязвления, кровотечения, некроз, косметический дефект) и реже к функциональным нарушениям жиз-

ненно важных органов. Осложнения возникают в фазу пролиферации и наиболее характерны для сегментарных форм ИГ [9, 10].

Мультифокальная форма гемангиомы с поражением печени может сопровождаться тяжелой тромбоцитопенией и приводить к гипофункции щитовидной железы за счет сверхэкспрессии фермента йодотриониндейодиназы 3-го типа, инактивирующего тироксин, а также секреции ТТГ-подобного фактора тиротропина [3]. Особую настороженность вызывают ИГ лица из-за возможных осложнений со стороны глаз, нарушения дыхания и глотания. Массивные гемангиомы данной области могут сопровождаться патологией задней черепной ямки, сердечно-сосудистой, офтальмологической и эндокринной аномалиями в составе PHACE/PHACES-синдрома (Posterior fossa, Hemangioma, Arterial lesions, Cardiac abnormalities, Eye abnormalities, Sternum). Среди них цереброваскулярная аномалия встречается в 72% случаев [11]. Объемные ИГ в крестцово-копчиковой и перинеальной области могут быть симптомом LUMBAR-синдрома (Lower body, Urogenital anomaly, Myelopathy, Bone deformities, Anorectal malformations, Renal anomalies), характеризующегося сочетанием ИГ, урогенитальными аномалиями, миелопатией, деформацией костей и почечными аномалиями. У 30% пациентов с данным синдромом имеется только одна сопутствующая аномалия, а риск появления язв составляет около 70% [12].

Описанные синдромы в большинстве случаев встречаются среди девочек, распространенность их невелика и составляет около 2% всех гемангиом [13]. Очень редкими, но наиболее опасными осложнениями ИГ могут быть нарушения жизненно важных функций. Так, гемангиомы верхних дыхательных путей могут вызывать респираторный дистресс-синдром, опухоли средостения и печени формировать сердечную недостаточность, а локализация на слизистых желудочно-кишечного тракта может вызывать массивное кишечное кровотечение [8]. Объемные гемангиомы после своей инволюции оставляют резидуальные изменения в виде телеангиэктазий, фиброзно-жировых изменений и атрофии кожи, снижая качество жизни пациентов [14]. Несмотря на междисциплинарный характер проблемы, ИГ нередко остаются без должного медицинского наблюдения и своевременного лечения, что ухудшает прогноз заболевания и приводит к описанным выше осложнениям.

ЭТИОЛОГИЯ И ПАТОГЕНЕЗ

Этиология данного заболевания до конца не известна и остается предметом научных исследований. Существует несколько гипотез возникновения ИГ:

плацентарная, в результате генетической мутации и воздействия внешних факторов.

Гипотеза плацентарного происхождения подтверждается экспрессией плацентарных маркеров, таких как ламинин, мерозин, GLUT-1, антиген Lewis Y и Fc гамма-рецептор II (CD32), в кровеносных сосудах ИГ [15, 16]. Согласно этому предположению, фактором риска возникновения ИГ является хорио- и амниоцентез у беременных женщин, в процессе которого может возникнуть занос мезенхимальных клеток ворсин хориона из плаценты в кровеносную систему плода и далее в восприимчивые ткани, что представляет собой иницирующий этап патологического ангиогенеза [17]. По результатам недавнего исследования F. Moisan и соавт., эндотелиальные клетки ИГ не имеют аквапорина-1 (AQP1) – водного канала, модулируемого при миграции и инвазии опухолевых клеток, тогда как эндотелиальные клетки, полученные из плацентарной ткани, демонстрируют позитивность AQP1 [18].

Есть мнение, что гемангиомы происходят в результате соматической мутации и клональной экспансии клеток-предшественников. Наличие гена *SALL4* в клетках ИГ, характерного для стволовых клеток, подтверждает это предположение [19]. Генетическая предрасположенность к развитию гемангиом на данный момент не подтверждена, но также является одной из возможных причин развития ИГ [7]. Есть данные о монозиготных близнецах с практически идентичными периорбитальными гемангиомами [20]. Ряд научных работ последних лет рассматривают мутации и полиморфизмы в генах, регулирующих ангиогенез, как возможные причины развития ИГ [21, 22].

В последнее десятилетие широко распространена гипотеза о воздействии внешних факторов, таких как гипоксия, повышенный уровень эстрогена и воспаление [23]. Среди них ведущую роль отводят гипоксии плода, возникающей вследствие: многоплодной беременности и беременности осложненной преэклампсией, гестационным сахарным диабетом, патологией или отслойкой плаценты, а также позднюю беременность, недоношенность и низкую массу тела ребенка при рождении [22, 24, 25]. До конца не изучено, за счет каких механизмов гипоксия приводит к развитию ИГ, но многие исследователи сходятся во мнении, что ключевым процессом является нарушение васкулогенеза и преобладание ангиогенных факторов над антиангиогенными [25, 26].

Основными ангиогенными факторами в настоящий момент считают фактор роста эндотелия сосудов (VEGF) и фактор роста фибробластов-2 (FGF-2) [24, 27]. В пользу гипоксии как первопричины раз-

вития ИГ говорят данные о повышенном уровне ренина у детей с низкой массой тела при рождении и недоношенных, что способствует дифференциации стволовых клеток опухоли и приводит к разрастанию незрелой сосудистой ткани [25]. Результаты исследования R.M. Nyland и соавт. и V. Praveen и соавт. показали, что ретинопатия недоношенных и ИГ имеют единый механизм развития – ишемия микрососудов, приводящая к неоваскуляризации [28, 29].

Повышенный уровень эстрогена в послеродовом периоде и экспрессия его рецепторов на эндотелии микрососудов ИГ влияют на дальнейшую пролиферацию эндотелиоцитов, вероятно, за счет влияния на выработку FGF-2 [7]. Преобладание гемангиом у девочек также предполагает возможную роль эстрогенов в этиологии заболевания путем стимуляции ангиогенеза через экспрессию ангиогенного фактора VEGF [30]. По этой же причине считается, что более высокие уровни эстрогена у беременных женщин могут влиять на процесс васкуляризации у плода и приводить к аномальной сосудистой пролиферации [31].

Показано, что концентрация эстрогенов в периферической крови повышается в пролиферативную фазу ИГ и снижается в фазу инволюции, а в структуре гемангиом рецепторов к эстрогенам значительно больше, чем в неизмененных сосудах [30]. Так, при раке молочных желез эстроген усиливает пролиферацию и миграцию эндотелиальных клеток [31]. В другом исследовании продемонстрировали воздействие эстрогена на миграцию клеток – предшественников тучных клеток в ткани ИГ, где активированные тучные клетки секретируют ангиогенные факторы VEGF и FGF2 [32]. Кроме того, данные клетки секретируют химотрипсин, трипсин и матриксные металлопротеиназы, необходимые для разрушения внеклеточного соединительнотканного матрикса, обеспечивая пространство для роста сосудов ИГ [31].

Несмотря на активное изучение этиологии и патогенеза, ни одна из существующих гипотез пока не объясняет все особенности эпидемиологии, течения и клинических проявлений ИГ.

ЛЕЧЕНИЕ

Подходы к лечению инфантильных гемангиом разнообразны и включают системную фармакотерапию, местное и хирургическое лечение [33]. Каждый из них обладает как достоинствами, так и ограничениями, что делает невозможным использование одного из методов в качестве универсального для всех пациентов. В настоящее время все чаще обозначают необходимость персонализированного подхода, основанного на индивидуальных характеристиках па-

циента, клинической картине заболевания и потенциальных рисках, связанных с терапией [34].

Местное лечение ИГ с использованием неселективного β -адреноблокатора тимолола широко применяют при небольших поверхностных поражениях кожи, как правило, он хорошо переносится и может давать отличный визуальный результат [35, 36]. Однако терапия этим препаратом не лишена побочных эффектов в виде шелушения, эритемы, местного ксероза, изъязвления и риска вторичной инфекции [37].

К хирургическим методам лечения относится криодеструкция, склерозирование, иссечение и лазерное излучение. Метод криодеструкции известен давно, однако с появлением новых методик применяется ограниченно. Воздействие жидким азотом температурой $-195,6$ °C эффективно при поверхностных нодулярных гемангиомах. В случае более распространенных опухолей с обильным кровоснабжением метод не используют в связи с возможным риском косметических дефектов и возобновления роста гемангиом [38].

Склерозирование применяют при небольших поверхностных образованиях с мелкими питающими сосудами. Его суть заключается в введении склерозанта в питающий сосуд гемангиомы, который повреждает эндотелий и способствует образованию тромба. Минусы данного лечения заключаются в риске нарушения микроциркуляции тканей вокруг гемангиомы, вплоть до некроза опухоли. Хирургическое иссечение показано при жизнеугрожающих состояниях, связанных с локализацией ИГ или ее осложнениями, а также для устранения остаточных изменений опухоли после инволюции, например, избыточной ткани. Лазерное излучение эффективно для устранения остаточной пигментации кожи [39, 40]. Несмотря на эффективность местных и хирургических методов лечения, они сопряжены с риском развития осложнений, включая гипопигментацию, ожоги, локальную атрофию кожи и инфицирование [41].

Системная фармакотерапия используется преимущественно при потенциально опасных формах гемангиом, связанных с их локализацией, размерами или структурными особенностями зоны поражения [42]. Препаратами первой линии в настоящее время признаны β -адреноблокаторы (β -АБ), которые доказали высокую эффективность в многоцентровом рандомизированном контролируемом исследовании 2015 г. Среди них выделяют неселективные β -АБ, действующие на β_1 -, β_2 - и β_3 -адренорецепторы, и селективные препараты, преимущественно блокирующие β_1 -адренорецепторы [43]. Пропранолол, неселективный β -АБ, стал золотым стандартом терапии инфантильных гемангиом благодаря своей высокой

эффективности и удовлетворительной переносимости [44]. Однако отмечены случаи резистентности опухолей к терапии, а также рецидивы роста после завершения лечения [25, 45]. В связи с неселективностью препарата возможно развитие побочных эффектов: гипотонии, брадикардии, бронхоспазма, гипогликемии и нарушения электролитного баланса.

Механизм действия β -АБ при ИГ до конца не изучен. На данный момент исследователи сходятся во мнении, что основная роль пропранолола заключается в запуске аутофагии клеток гемангиомы. Вместе с тем конкретный молекулярный механизм и клеточная стадия этого процесса остаются неизученными [46]. Есть данные, подтверждающие влияние β -АБ на β -адренергические рецепторы тучных клеток ИГ, тем самым способствуя развитию апоптоза эндотелиоцитов [47]. Также было высказано предположение, что β -АБ могут увеличивать продукцию ангиогенного фактора VEGF-A. Эти исследования согласуются с выводом о том, что у пациентов с ИГ на фоне приема пропранолола уровень VEGF-A в крови снижается [48, 49].

На сегодняшний день большое внимание уделяется роли метаболизма глюкозы в ангиогенезе эндотелиальных клеток. Окислительное фосфорилирование, метаболизм пирувата и цикл трикарбоновых кислот потенциально играют ключевую роль в патогенезе ИГ. Пропранолол, в свою очередь, ингибирует активность пируваткиназы, подавляя гликолиз и таким образом препятствует росту гемангиом [50]. Механизм действия бета-АБ при ИГ требует дальнейшего изучения, так как может помочь в разработке новых способов лечения и выявлению ранних факторов успешной терапии. Помимо β -АБ, в лечении инфантильных гемангиом применяются и другие системные препараты, такие как глюкокортикостероиды и метрoномная химиотерапия винбластинoм/циклофoсфанoм. Эти методы обычно используются в случаях недостаточной эффективности терапии первой линии или в качестве дополнения к β -АБ при лечении тяжелых и осложненных форм гемангиом [3].

ПРЕДИКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛЕЧЕНИЯ ПРОПРАНОЛОЛОМ

Ряд исследований определили ранние признаки эффективного лечения β -АБ, а именно пропранололом. Снижение частоты сердечных сокращений более чем на 20% по сравнению с исходным уровнем в начале терапии пропранололом может быть ранним маркером положительного ответа на лечение [51].

Начало лечения в первые 6 мес жизни считают определяющим моментом успешного лечения. Это

связано с тем, что в пролиферативной фазе гемангиомы наблюдается сверхэкспрессия β 1-адренергических рецепторов, что, по мнению авторов, способствует наибольшей эффективности препарата в этот период [52].

Тромбоцитарный фактор роста PDGF-BB может быть потенциальным маркером терапевтического ответа на фоне лечения пропранололом, так как статистически значимо снижается на фоне терапии. Однако данные результаты получены на выборке из пяти пациентов и требуют дополнительных исследований [53]. Тромбоцитарный фактор роста (PDGF) представляет собой семейство цитокинов, состоящее из четырех изоформ: PDGF-A, PDGF-B, PDGF-C и PDGF-D, которые продуцируются в основном тромбоцитами, а также клетками эндотелия, гладкой мускулатуры и макрофагами. Изоформа PDGF-BB играет важную роль в ангиогенезе и регенерации тканей. Рецепторы к данному белку расположены в сосудистой стенке на фибробластах и клетках гладкой мышечной ткани, через которые инициируется каскад сигналов, приводящий к активации клеточной пролиферации и выработке факторов ангиогенеза и ремоделирования внеклеточного матрикса [54].

Уровень цитокинов IGF-1, IL-6, IL-8, PIGF, RANTES и TGF- β 1 снижается у пациентов с прогрессирующим ростом ИГ и может использоваться в роли предиктора роста гемангиом и быть точкой приложения иммунотерапии в качестве нового подхода в лечении [55]. При этом следует учитывать, что выборка в данном исследовании была не показательная и состояла из трех пациентов.

Результаты научных работ, посвященных роли фактора VEGF в процессе роста гемангиом, достаточно противоречивы. Большинство авторов приходят к выводу, что уровень VEGF определяет клиническое течение ИГ [56, 57], тогда как другие указывают на отсутствие значимых изменений уровня VEGF в зависимости от стадии заболевания, что ставит под сомнение его использование в качестве предиктора ответа на терапию [50]. Известно, что фактор VEGF является мощным медиатором ангиогенеза и васкулогенеза у плодов, детей и взрослых. В период эмбриогенеза он регулирует пролиферацию, миграцию и рост эндотелиальных клеток, тем самым определяя плотность и размер кровеносных сосудов. После рождения VEGF поддерживает целостность эндотелиальных клеток и выступает в качестве митогена для микро- и макрососудистых эндотелиальных клеток [58].

Также прогностическим фактором успешного лечения пропранололом при ИГ могут выступать структурные особенности образования, выявленные

с помощью инструментальных методов диагностики. Гиперваскуляризация опухоли по результатам цветной доплеровской визуализации до терапии и снижение васкуляризации в раннем периоде лечения может быть предвестником хорошего ответа. Вероятно, связано это с тем, что пропранолол вызывает вазоконстрикцию и оказывает антиангиогенный эффект, что приводит к уменьшению васкуляризации гемангиомы. Выраженный жировой компонент гемангиомы, выявленный на МРТ до лечения, чаще встречался у пациентов со слабым ответом на терапию в дальнейшем [24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инфантная гемангиома – значимая и распространенная проблема междисциплинарного характера в детской популяции, представлена клиническими формами от поверхностных образований, склонных к саморазрешению, до обширных опухолей, приводящих к местным осложнениям или нарушению жизненно важных функций. Этиология данного заболевания до конца не изучена. Ведущая роль в патогенезе отводится гипоксическому состоянию плода. Для своевременного и правильного выбора тактики лечения пациентов важно дифференцировать данное заболевание с другими сосудистыми мальформациями.

Диагноз, как правило, ставится на основании анамнеза и клинических данных. Выбор метода лечения должен основываться на клинической оценке, включающей индивидуальные характеристики пациента, локализацию и размеры поражения, учитывая возможные риски и осложнения выбранного подхода. Мониторинг эффективности терапии, особенно в сложных случаях, должен базироваться не только на субъективной клинической оценке, но и на объективных методах визуализации и лабораторного контроля. Лабораторный контроль может включать мониторинг биомаркеров, связанных с активностью опухоли и реакцией организма на терапию. Комплексный подход к оценке динамики лечения способствует своевременной коррекции терапии, снижая риск развития осложнений и повышая общую эффективность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Drolet B.A., Frommelt P.C., Chamlin S.L., Haggstrom A.N., Bauman N.M., Chiu Y.E. et al. Initiation and use of propranolol for infantile hemangioma: report of a consensus conference. *Pediatrics*. 2013;131(1):128–140. DOI: 10.1542/peds.2012-1691.
- Хачатрян Л.А., Клецкая И.С. Просто о сложном: инфантная гемангиома. *Вопросы гематологии/онкологии и иммунопатологии в педиатрии*. 2021;20(1):192–206.
- Rodríguez Bandera A.I., Sebaratnam D.F., Wargon O., Wong L.-C.F. Infantile hemangioma. Part 1: Epidemiology, pathogenesis, clinical presentation and assessment. *Journal of the American Academy of Dermatology*. 2021;85(6):1379–1392. DOI: 10.1016/j.jaad.2021.08.019.
- Chang L.C., Haggstrom A.N., Drolet B.A., Baselga E., Chamlin S.L., Garzon M.C. et al. Growth characteristics of infantile hemangiomas: implications for management. *Pediatrics*. 2008;122(2):360–367. DOI: 10.1542/peds.2007-2767.
- Holm A., Mulliken J. B., Bischoff J. Infantile hemangioma: the common and enigmatic vascular tumor. *The Journal of Clinical Investigation*. 2024;134(8):e172836. DOI: 10.1172/JCI172836.
- Wassef M., Blei F., Adams D., Alomari A., Baselga E., Berenstein A. et al. Vascular anomalies classification: recommendations from the International Society for the Study of Vascular Anomalies. *Pediatrics*. 2015;136(1):e203–e214. DOI: 10.1542/peds.2014-3673.
- Хачатрян Л.А., Щербаков А.П., Чиквина И.И., Николаева Д.М. Новые подходы к решению старой проблемы. *Вопросы гематологии/онкологии и иммунопатологии в педиатрии*. 2022;21(1):122–135. DOI: 10.24287/1726-1708-2022-21-1-122-135.
- Schwartz R.A., Sidor M.I., Musumeci M.L., Lin R.L., Micali G. Infantile haemangiomas: a challenge in paediatric dermatology. *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2010;24(6):631–638. DOI: 10.1111/j.1468-3083.2010.03650.x.
- Léauté-Labrèze C., Harper J.I., Hoeger P.H. Infantile haemangioma. *The Lancet*. 2017;390(10089):85–94. DOI: 10.1016/S0140-6736(16)00645-0.
- Siegel D.H. PHACE syndrome: Infantile hemangiomas associated with multiple congenital anomalies: Clues to the cause. *American Journal of Medical Genetics Part C: Seminars in Medical Genetics*. 2018;178C(3):407–413. DOI: 10.1002/ajmg.c.31648.
- Iacobas I., Burrows P.E., Frieden I.J., Liang M.G., Mulliken J.B., Mancini A.J. et al. LUMBAR: Association between cutaneous infantile hemangiomas of the lower body and regional congenital anomalies. *The Journal of Pediatrics*. 2010;157(5):795–801.e1–e7. DOI: 10.1016/j.jpeds.2010.05.027.
- Хачатрян Л.А., Николаева Д.М., Щербаков А.П. Когда болезнь выходит за пределы кожи – изменения на коже могут быть признаком системного заболевания. *Вопросы гематологии/онкологии и иммунопатологии в педиатрии*. 2020;19(3):95–104. DOI: 10.24287/1726-1708-2020-19-3-95-104.
- Baselga E., Roe E., Coulie J., Muñoz F.Z., Boon L.M., McCuaig C.M. et al. Risk factors for degree and type of sequelae after involution of untreated hemangiomas of infancy. *JAMA Dermatology*. 2016;152(11):1239–1243. DOI: 10.1001/jamadermatol.2016.2905.
- Itinteang T., Tan S.T., Guthrie S., Tan C.E.S., McIntyre B.C., Brasch H.D., Day D.J. A placental chorionic villous mesenchymal core cellular origin for infantile haemangioma. *Journal of Clinical Pathology*. 2011;64(10):870–874. DOI: 10.1136/jclinpath-2011-200191.

15. Sun Z.Y., Yi C.G., Zhao H., Yin G.Q., Gao M., Liu Y.B. et al. Infantile hemangioma is originated from placental trophoblast, fact or fiction? *Medical Hypotheses*. 2008;71(3):444–448.
16. Bauland C.G., van Steensel M.A.M., Steijlen P.M. et al. Hemangioma in the newborn: increased incidence after chorionic villus sampling. *Diagnosis*. 2010;30(10):913–917.
17. Moisan F., Oucherif S., Kaulanjan-Checkmodine P., Prey S., Rousseau B., Bonneau M. et al. Critical role of Aquaporin-1 and telocytes in infantile hemangioma response to propranolol beta blockade. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2021;118(7):e2018690118. DOI: 10.1073/pnas.2018690118.
18. Harbi S., Wang R., Gregory M., Hanson N., Kobylarz K., Ryan K. et al. Infantile hemangioma originates from a dysregulated but not fully transformed multipotent stem cell. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2016;113(7):1592–1597. DOI: 10.1073/pnas.1516258113.
19. Castrén E., Salminen P., Vikkula M., Pitkäranta A., Klockars T. Inheritance patterns of infantile hemangioma. *Pediatrics*. 2016;138(5):e20161623. DOI: 10.1542/peds.2016-1623.
20. Oszejca K., Szemraj J., Wyrzykowski D., Chrzanoska B., Salamon A., Przewratil P. Single-nucleotide polymorphisms of VEGF-A and VEGFR-2 genes and risk of infantile hemangioma. *International Journal of Dermatology*. 2018;57(10):1201–1207. DOI: 10.1111/ijd.14127.
21. Chen Q., Ying H., Yu Z., Chang L., Chen Z., Chen J. et al. Apelin receptor as a specific marker and promising therapeutic target for infantile hemangioma. *Journal of Investigative Dermatology*. 2023;143(4):566–577.e12. DOI: 10.1016/j.jid.2022.09.657.
22. Xiang S., Gong X., Qiu T., Zhou J., Yang K., Lan Y. Insights into the mechanisms of angiogenesis in infantile hemangioma. *Biomedicine & Pharmacotherapy*. 2024;178:116345.
23. Wu H., Ji Y., Zheng J. Editorial: Advances in the medical management of infantile hemangioma. *Frontiers in Oncology*. 2023;13:1229197. DOI: 10.3389/fonc.2023.1229197.
24. De Jong S., Itinteang T., Withers A.H.J., Davis P.F., Tan S.T. Does hypoxia play a role in infantile hemangioma? *Archives of Dermatological Research*. 2016;308(4):219–227. DOI: 10.1007/s00403-016-1635-x.
25. Drolet B.A., Frieden I.J. Characteristics of infantile hemangiomas as clues to pathogenesis: does hypoxia connect the dots? *Archives of Dermatology*. 2010;146(11):1295–1299. DOI: 10.1001/archdermatol.2010.1295-1299.
26. Lo K., Mihm M., Fay A. Current theories on the pathogenesis of infantile hemangioma. *Seminars in Ophthalmology*. 2009;24(3):172–177. DOI: 10.1080/08820530902805438.
27. Hyland R.M., Komlósi K., Alleman B.W., Tolnai M., Wood L.M., Bell E.F., Ertl T. Infantile hemangiomas and retinopathy of prematurity: clues to the regulation of vasculogenesis. *European Journal of Pediatrics*. 2014;173(6):723–728.
28. Praveen V., Vidavalur R., Rosenkrantz T.S., Hussain N. Infantile hemangiomas and retinopathy of prematurity: possible association. *Pediatrics*. 2009;123(3):e484–e489. DOI: 10.1542/peds.2008-2278.
29. Kleinman M.E., Greives M.R., Churgin S.S., Blechman K.M., Chang E.I., Ceradini D.J. et al. Hypoxia-induced mediators of stem/progenitor cell trafficking are increased in children with hemangioma. *Arteriosclerosis, Thrombosis, and Vascular Biology*. 2007;27(12):2664–2670.
30. Zhang L., Wu H.W., Yuan W., Zheng J.W. Estrogen-mediated hemangioma-derived stem cells through estrogen receptor- α for infantile hemangioma. *Cancer Management and Research*. 2017;9:279–286. DOI: 10.2147/CMAR.S138687.
31. Przewratil P., Sitkiewicz A., Andrzejewska E. Serum levels of basic fibroblastic growth factor (bFGF) in children with vascular anomalies: Another insight into endothelial growth. *Clinical Biochemistry*. 2010;43(10–11):863–867. DOI: 10.1016/j.clinbiochem.2010.03.010.
32. Macca L., Altavilla D., Di Bartolomeo L., Irrera N., Borgia F., Li Pomi F. et al. Update on treatment of infantile hemangiomas: What's new in the last five years? *Frontiers in Pharmacology*. 2022;13:879602. DOI: 10.3389/fphar.2022.879602.
33. Хачатрян Л.А., Чиквина И.И., Клецкая И.С. В поисках редкой болезни: врожденные гемангиомы. *Вопросы гематологии/онкологии и иммунопатологии в педиатрии*. 2021;20(1):145–155. DOI: 10.24287/1726-1708-2021-20-1-145-155.
34. Khan M., Boyce A., Prieto-Merino A., Wedgeworth E., Flohr C. The role of topical Timolol in the treatment of infantile hemangiomas: A systematic review and meta-analysis. *Acta Dermato-Venereologica*. 2017;97(10):1167–1171. DOI: 10.2340/00015555-2725.
35. Price A., Rai S., McLeod R.W.J., Birchall J.C., Elhassan H.A. Topical propranolol for infantile haemangiomas: a systematic review. *Journal of the European Academy of Dermatology and Venereology*. 2018;32(12):2083–2089. DOI: 10.1111/jdv.14963.
36. Muñoz-Garza F.Z., Ríos M., Roé-Crespo E., Bernabeu-Wittel J., Montserrat-García M.T., Puig L. et al. Efficacy and safety of topical timolol for the treatment of infantile hemangioma in the early proliferative stage. *JAMA Dermatology*. 2021;157(5):583–587. DOI: 10.1001/jamadermatol.2021.0469.
37. Regina G., Impedovo G., Angiletta D. et al. A new strategy for treatment of a congenital arteriovenous fistula of the neck: Case report. *European Journal of Vascular and Endovascular Surgery*. 2006;32:107–109.
38. Хачатрян Л.А., Николаева Д.М. Современная терапия инфантильных гемангиом. *Вопросы гематологии/онкологии и иммунопатологии в педиатрии*. 2021;20(2):156–167.
39. David L.R., Malek M.M., Argenta L.C. Efficacy of pulse dye laser therapy for the treatment of ulcerated haemangiomas: A review of 78 patients. *British Journal of Plastic Surgery*. 2003;56(4):317–327.
40. Sajan J.A., Tibesar R., Jabbour N. et al. Assessment of pulsed-dye laser therapy for pediatric cutaneous vascular anomalies. *JAMA Facial Plastic Surgery*. 2013;15(6):434–438. DOI: 10.1001/jamafacial.2013.257.
41. Wedgeworth E., Glover M., Irvine A.D., Neri I., Baselga E., Clayton T.H. et al. Propranolol in the treatment of infantile haemangiomas: Lessons from the European Propranolol in the Treatment of Complicated Haemangiomas (PITCH) Taskforce survey. *British Journal of Dermatology*. 2016;174(3):594–601. DOI: 10.1111/bjd.14233.

42. Котлукова Н.П., Бельшева Т.С., Шац Л.И., Фоченкова В.А., Чавпецова Э.Д., Белогурова М.Б. и др. Возможности медикаментозного лечения инфантильных гемангиом в России. *Российский журнал детской гематологии и онкологии (РЖДГО)*. 2022;9(2):22–28.
43. Hoeger P.H., Harper J.I., Baselga E., Bonnet D., Boon L.M., Ciofi Degli Atti M. et al. Treatment of infantile haemangiomas: recommendations of a European expert group. *European Journal of Pediatrics*. 2015;174(7):855–865. DOI: 10.1007/s00431-015-2570-0.
44. Caussé S., Aubert H., Saint-Jean M., Puzenat E., Bursztejn A.-C., Eschard C. et al. Propranolol-resistant infantile haemangiomas. *British Journal of Dermatology*. 2013;169(1):125–129.
45. Vlastarakos P.V., Papacharalampous G.X., Chrysostomou M., Tavoulari E.F., Delidis A., Protopapas D. et al. Propranolol is an effective treatment for airway haemangiomas: a critical analysis and meta-analysis of published interventional studies. *Acta Otorhinolaryngologica Italica*. 2012;32(4):213–221.
46. Ye Y., Zhong H., Dou L., Song W., Dong C., Lu W. et al. Propranolol inhibits the angiogenic capacity of hemangioma endothelia via blocking β -adrenoceptor in mast cell. *Pediatric Research*. 2022;92(2):424–429. DOI: 10.1038/s41390-021-01683-4.
47. Lorusso B., Cerasoli G., Falco A., Frati C., Graiani G., Madeddu D. et al. B-blockers activate autophagy on infantile hemangioma-derived endothelial cells *in vitro*. *Vascular Pharmacology*. 2022;146:107110. DOI: 10.1016/j.vph.2022.107110.
48. Makkeyah S., Elseedawy M., Abdel-Kader H., Mokhtar G., Ragab I. Vascular endothelial growth factor response with propranolol therapy in patients with infantile hemangioma. *Pediatric Hematology and Oncology*. 2022;39(3):215–224. DOI: 10.1080/08880018.2021.1961956.
49. Yang K., Li X., Qiu T., Zhou J., Gong X., Lan Y. et al. Effects of propranolol on glucose metabolism in hemangioma-derived endothelial cells. *Clinical and Applied Thrombosis/Hemostasis*. 2018;24:663–668.
50. Rešić A., Benco Kordić N., Obuljen J., Bašković M. Importance of determining vascular endothelial growth factor serum levels in children with infantile hemangioma. *Medicina (Kaunas)*. 2023;59(11):1914. DOI: 10.3390/medicina59111914.
51. Park H.J., Lee S.-Y., Rho M.H., Jung H.L. Ultrasound and MRI findings as predictors of propranolol therapy response in patients with infantile hemangioma. *PLoS One*. 2021;16(3):e0247505. DOI: 10.1371/journal.pone.0247505.
52. Chong J.H., Prey S., Mya H.T., Delarue A., Labreze C. Can the extent of heart rate reduction predict the clinical response of infantile haemangiomas to propranolol? *British Journal of Dermatology*. 2018;178(3):e196–e197. DOI: 10.1111/bjd.15966.
53. Yu L., Li S., Su B., Liu Z., Fang J., Zhu L. et al. Treatment of superficial infantile hemangiomas with timolol: evaluation of short-term efficacy and safety in infants. *Experimental and Therapeutic Medicine*. 2013;6(2):388–390.
54. Wu H.W., Wang X., Zhang L., Zheng J.W., Liu C., Wang Y.A. Topical timolol vs. oral propranolol for the treatment of superficial infantile hemangiomas. *Frontiers in Oncology*. 2018;8:605.
55. Tani S., Kunimoto K., Inaba Y., Mikita N., Kaminaka C., Kanazawa N. et al. Change of serum cytokine profiles by propranolol treatment in patients with infantile hemangioma. *Drug Discoveries & Therapeutics*. 2020;14(2):89–92. DOI: 10.5582/ddt.2020.03014.
56. Абдуллаев М.А., Кантемирова Б.И., Романова А.Н., Улуканов О.Б., Сеидова С.С. Анализ корреляции между уровнем сывороточного тромбоцитарного фактора роста и тяжестью острого коронарного синдрома. *Современные проблемы науки и образования*. 2024;(1).
57. Yamashita T., Jinnin M., Makino K., Kajihara I., Aoi J., Masuguchi S. et al. Serum cytokine profiles are altered in patients with progressive infantile hemangioma. *Bioscience Trends*. 2018;12(4):438–441. DOI: 10.5582/bst.2018.01118.
58. El-Raggal N.M., El-Farrash R.A., Saad A.A., Attia E.A.S., Saafan H.A., Shaaban I.S. Circulating levels of vascular endothelial growth factor and basic fibroblastic growth factor in infantile hemangioma versus vascular malformations. *Clinical and Applied Thrombosis/Hemostasis*. 2018;24(4):663–668. DOI: 10.1177/1076029617710333.

Информация об авторах

Буковецкая Мария Сергеевна – врач-гематолог, ОДБ, г. Томск, buk.ms@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1942-7773>

Камалтынова Елена Михайловна – д-р мед. наук, зам. гл. врача по медицинским вопросам, ОДБ; профессор кафедры факультетской педиатрии с курсом детских болезней лечебного факультета, СибГМУ, гл. внештатный детский специалист по профилактической работе СФО, г. Томск, elevant21@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2234-5355>

(✉) **Буковецкая Мария Сергеевна**, buk.ms@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025;
принята к публикации 16.10.2025